Черт возьми, не останавливайся! Знай, что сказать! Один из вас должен это сделать!

"Я действительно думаю, что тебе следует вернуться назад ", - сказала она, ее голос был мягким и на самом деле довольно добрым. "Ты записался на этот курс; ты не производишь впечатления человека, который бросает курить".

"Я не такой", - сказал он глубоким голосом, заставив ее сдержать дрожь. "Я просто не думаю ... Я не думаю, что мне следует использовать тебя в качестве объекта исследования.

Ее следующий вопрос был, возможно, самым жестоким, который она когда-либо задавала за всю свою жизнь, но она не могла остановиться. Холодный трепет от его возможного ответа должен был быть услышан. "Почему?"

"Я... не знаю, будет ли в этом смысл, но... Я уважаю тебя, Гордон, - наконец сказал Майк.

"Ты уважаешь всех женщин", - указала она, нуждаясь в его разъяснении. "Ты самый уважаемый человек в кампусе, и все это знают. Ты демонстрировал это бесчисленное количество раз за восемь недель семестра ".

- Это другое, - с трудом выговорил он. "Ты знаешь, что это так".

"Правда?" спросила она, приподняв бровь. "Пожалуйста, разъясни, о мудрец".

"А если я решу не делать этого?" он почти зарычал. "У меня нет привычки оправдываться".

Она боролась с желанием сглотнуть, понимая, что зашла слишком далеко. Она должна была вернуть ему прежнее настроение, снова смягчить его. Ему не следовало чувствовать, что она ведет себя враждебно. Возможно, между ними было дружеское, даже язвительное соперничество, но они не были противниками. Нет, в ее мировоззрении не было места, где этот человек был бы ее противником. Нет, нет, нет. Только не это.

Может быть, признание было необходимо.

Она вздохнула, на мгновение опустив голову, прежде чем снова поднять взгляд, выражение ее лица было примирительным. "Тогда я буду честна. Я думала, что полностью контролирую все. Я и раньше снималась обнаженной, и меня это нисколько не беспокоило. Но в тот момент, когда я увидела тебя в классе, я почувствовала, прилив смущения, такого сильного, что подумала, что это может поджечь этот дурацкий лист."

Он поднял бровь, хотя ничего не сказал, заставляя ее продолжать говорить. Черт бы его побрал.

"Дело не в том, что я боюсь быть обнаженной рядом с тобой, по сути, по крайней мере, в отношении кого-либо еще", - сказала она, продвигая их разговор вперед. "Просто я этого не ожидала... ты должен быть там. Для любого другого я могла бы просто сидеть там, как комок, быть обнаженной и позволить им делать свое дело. Но ты изменил эту динамику для меня. Я не знаю, как и почему, и тебе лучше не извиняться. Нет, не смей, я вижу это в тебе".

Казалось, он прикусил язык, чтобы не сказать то, что собирался сказать.

"Возможно, никто из нас не может ответить, почему это сложно", - вздохнула она. "Ты как-то уважаешь меня, что означает, что ты убегаешь, когда я обнажена. Но Мысль о том, что ты рисуешь меня обнаженной, заставила меня почти спонтанно воспламениться. Глупо, верно?"

"Ну, может быть, немного..." он почти усмехнулся.

"Итак, вот что мы собираемся сделать", - сказала она, протягивая руку и нежно касаясь его предплечья, игнорируя электрическую дрожь от этого и молясь Всемогущему Богу на Его Небесах, чтобы она не промокла! "Мы собираемся вернуться в ту художественную комнату. Я буду сидеть на своем стуле, ты будешь сидеть на своем стуле, ты будешь рисовать, рисовать или рисовать меня, и я получу тридцать долларов, которые университет платит любительским моделям за трехчасовой сеанс. Договорились?"

Он выдохнул и кивнул. "Мы заключили сделку, Гордон. Давай сделаем это".

Она кивнула и развернулась, направляясь обратно в комнату, пытаясь сдержать головокружительное покачивание бедрами. Он последовал за ней, глядя прямо поверх ее головы в коридор. Она остановилась перед дверью и подождала, пока он откроет ее, что он и сделал, и она скользнула внутрь, направляясь обратно в середину круга начинающих художников, в то время как он вернулся на свое место. Все смотрели на них.

- Надеюсь, все в порядке, мистер Дебурн? - спросил профессор, приподняв бровь.

"С этим разобрались, профессор", - вмешалась Карен, все еще стоя и спасая Майка от ответа. "Мистер Дебурн вспомнил, что у нашего факультета есть крайний срок по алгебре для поверхностей К3, и он спешил, чтобы позаботиться об этом, за счет его собственной оценки в этом классе".

"К3 что?" - спросил профессор, сбитый с толку.

"Я не думаю, что вы хотите, чтобы я пытался объяснить вам многообразия Калаби-Яу прямо сейчас, сэр", - продолжила она. "Я была достаточно уверена, что знаю, в чем была его проблема, поскольку я тоже являюсь частью отдела, и поэтому для меня имело смысл преследовать его. Я обещала помочь разобраться с формулами позже вечером, если он вернется и закончит здесь свои занятия. С этим разобрались, сэр."

"Унф, ну, тогда ладно", - сказал мужчина, очевидно, принимая ответ. "Мы потеряли всего три минуты, ничего страшного. Мы собираемся продолжать?"

Все кивнули.

"Превосходно", - заявил он. "Мисс Гордон разденется и постоит неподвижно несколько минут, как она и договаривалась, чтобы вы могли увидеть и почувствовать человеческие аспекты, с которыми вы будете работать, получить представление о них. Тогда она сядет, и ваша пьеса начнется всерьез. Мисс Гордон, вы готовы?"

Она с готовностью кивнула, но внутри была в ужасе. От холодного озноба у нее мурашки побежали по коже. Пожалуйста , пусть все подумают , что в этом виновата комнатная температура ...

Профессор помог ей соскользнуть с льняного одеяла, и она заметила, как несколько глаз в комнате расширились при виде ее великолепного тела - ее изящной шеи, переходящей в стройные плечи, тугие мышцы танцовщицы, видимые в суставах под ее кремовой кожей. Ее большие, великолепные груди, торчащие из-за силы спины и внешних грудных мышц; под ними ее подтянутый, подтянутый живот и чувственная талия, затем изгиб ее женственных бедер.

Она чувствовала, что все смотрят ей между ног, на ее киску, многие из них были поражены. Карен всегда была чисто выбрита, за исключением узкой полоски подстриженных каштановых волос чуть выше. Ей нравилось, как это выглядело, как это ощущалось, когда ветерок целовал ее интимные места, как это ощущалось под ее одеждой, или когда другая девушка прижималась к ней своей женственностью, как Лиза делала это с ней почти каждую ночь.

Ее гибкие бедра сужались к длинным, элегантным ногам и идеальным ступням. Она медленно повернулась, разведя руки в стороны, чтобы люди могли видеть не только ее подтянутый зад, но и косые мышцы живота и, действительно, каждый уголок ее тела.

Могли ли они видеть, как колотится ее сердце в груди?

Смотрел ли он на нее? Она не могла смотреть на него прямо сейчас. Она не могла. Она заставила его вернуться в комнату и сделать это, и теперь она не могла смотреть на него. Неужели он думал, что она лицемерка?

Она рискнула взглянуть на стеклянную витрину шкафа с припасами поблизости, посмотрев в его направлении - он действительно смотрел на нее, хотя она была достаточно уверена, что он не знал, что она смотрит на него прямо сейчас. Ее взгляд переместился дальше, когда ее тело повернулось, чувствуя на себе более дюжины пар глаз, и заботясь только об одной. В восторге только от одного.

В ужасе от одного.

Затем она медленно села на своем пуфике, выпрямив спину, сведя колени вместе, но слегка отведя их друг от друга, и положив одну руку на колени, а другую положив сбоку на угол стула. Она повернула голову и посмотрела вдаль, ее внимание привлекли внешний мир и голубое небо.

Так начались самые долгие, самые страшные и волнующие три часа в ее жизни.

***

http://tl.rulate.ru/book/76773/2365314

http://tl.rulate.ru/book/507/6005